

ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВІЕ, его предметъ и задача.

(Окончаніе).

Мы говоримъ: христіанство въ православномъ пониманіи есть истина. Намъ уже многіе говорили и говорятъ: вы хвастаетесь, что пребываете въ истинѣ, и обвиняете всѣхъ другихъ въ томъ, что они пребываютъ во лжи. По поводу подобныхъ разсужденій, которыя между прочимъ высказывались и покойнымъ графомъ Л. Н. Толстымъ, должно сказать, что въ заявленіи православныхъ: православіе есть истина, нѣтъ и тѣни хвастовства. Представьте себѣ, что вамъ нужна квартира для жилья. Вы осмотрѣли нѣсколько квартиръ, одна изъ нихъ оказалась несравненно лучшею, чѣмъ прочія, и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дорогою. Вы выбрали эту квартиру, потому что каждый выбираетъ то, что считаемъ лучшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы приняли на себя обязательство вносить высокую плату, деньги для которой вамъ придется приобрѣтать усиленнымъ трудомъ. Ваше заявленіе, что ваша квартира лучшая, не будетъ хвастовствомъ, а только правдой и оно у васъ всегда будетъ соединяться съ сознаниемъ, что если вы не будете достаточно работать для приобрѣтенія нужныхъ средствъ, васъ удалятъ изъ нея. Теперь обратимся къ религіи. Оставимъ въ сторонѣ миллионы живущіе вѣрою своихъ отцовъ, мы съ вами принадлежимъ къ сознательному элементу. Теперь опощлены многія слова, какъ напримѣръ, слово товарищъ, опощливается и слово сознательный, поэтому я долженъ оговориться, что я употребляю его не въ томъ смыслѣ, что мы сознаемъ свое право ограбить всѣхъ, кто болѣе состоятеленъ, чѣмъ мы, а

въ томъ, что мы сознаемъ себя отвѣтственными за наши дѣла, слова и вѣрованія. Сознательно мы считаемъ православіе истиной, какъ Коперникъ сознательно призналъ истинной свою теорію, какъ современный геологъ сознательно считаетъ землю существующей милліоны лѣтъ. Можно ли видѣть во всемъ этомъ хвастливость? Когда какой-либо мыслитель—все равно изъ Фернэ или изъ Ясной Поляны заявляетъ, что онъ открылъ истину, тогда пожалуй—въ этомъ заявленіи можно усматривать и хвастовство, но когда православный заявляетъ, что истина—въ православіи, то чѣмъ же онъ хвастаетъ? Православіе выдуманно не имъ; онъ только утверждаетъ, что оно удовлетворяетъ его душу. Но это еще не все. Тотъ, кто призналъ православіе истиной, принимаетъ на себя страшную отвѣтственность. Онъ долженъ выполнять требованія божественнаго Основателя церкви, долженъ уподобляться Ему. Рабъ, который зналъ волю Господина и не исполнилъ ее, битъ будетъ много. Но какой же „сознательный“ православный не чувствуетъ относительно себя что онъ далеко не выполнилъ воли Господина? Чѣмъ-же ему хвастать? Тѣмъ, что онъ заслужилъ, чтобы его били много? Этимъ не хвастаютъ.

У человѣка, который думаетъ, что онъ пребываетъ въ религіозной истинѣ есть и нравственная обязанность и нравственная потребность дѣлиться ею съ другими, убѣждать въ ней другихъ. Если человѣкъ сдѣлалъ искусную машину для фабрикаціи фальшивыхъ государственныхъ ассигнацій, онъ по всей вѣроятности не подѣлится своимъ секретомъ съ другими, но въ области истины дѣло происходитъ иначе. И ученый, открывшій что-либо, имѣетъ потребность повѣдать о своемъ открытіи міру, и такъ это происходитъ въ различныхъ сферахъ вѣры и знанія. Вотъ почему позорно глумиться надъ православными за то, что они стремятся убѣдить другихъ въ истинѣ православія. Лучше считаться съ ихъ доводами.

Должны и православные считаться съ доводами, которые приводятъ другіе въ защиту и обоснованіе своихъ ученій и въ опроверженіе христіанства. Последнюю (пятую) часть моего курса: Христіанство и антихристіанскія ученія нашего времени я и посвящаю разсмотрѣнію доводовъ противъ христіанства.

Съ философскими ученіями здѣсь мы не будемъ имѣть дѣла. Они служатъ предметомъ нашего 'разсмотрѣнія въ части курса трактующей о религіи въ философскомъ пониманіи. Здѣсь мы будемъ говорить объ отношеніи христіанскаго вѣроученія къ естествознанію и исторіи.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія между исторіей и естествознаніемъ произошло сближеніе. По мнѣнію натуралистовъ съ этого времени естествознаніе дѣйствительно становится естественной исторіей. Почти на столѣтіе раньше явилась попытка дать исторію солнечной системы. Съ этой попытки началъ свою научно-философскую дѣятельность Кантъ, ею почти завершилъ свою научную дѣятельность Лапласъ. Такъ явилась кантолапласовская теорія происхожденія солнечной системы изъ сферической туманности. Параллельно съ этимъ создавалась исторія неорганическаго міра, т. е. геологія. Дарвинъ, по мнѣнію натуралистовъ далъ ключъ къ пониманію исторіи органическаго міра. Послѣ него писать исторію земли оказалось дѣломъ очень простымъ. Возьмите любой учебникъ зоологіи или ботаники, расположите на основаніи этихъ курсовъ организмы по степени ихъ сложности, восходя отъ простѣйшихъ и кончая человѣкомъ, и вы получите исторію: сначала на землѣ явились организмы аналогичные нынѣшнимъ простѣйшимъ, затѣмъ болѣе сложные и т. д. и т. д. Духовное развитіе органическаго міра шло параллельно съ физическимъ. У высшихъ млекопитающихъ можно находить начатки языка, чувства долга, даже религіи. Ясно, что при такой постановкѣ дѣла исторія человѣчества становится только вѣтвью исторіи органическаго міра. Факторы исторіи нужно отыскивать въ животномъ царствѣ. Берлога медвѣдя, нора лисенцы и хижина бобра должны быть учитываемы при разсужденіи объ архитектурныхъ созданіяхъ человѣчества. Если естествознаніе стало естественной исторіей, то съ другой стороны исторія стала считать себя такой же наукой, какъ естествознаніе. Выработаны были схемы, по которымъ должна двигаться экономическая, соціальная и религіозная жизнь человѣчества. На книжномъ рынкѣ стало появляться множество трактатовъ съ заглавіями—эволюція семьи, эволюція собственности, эволюція религіи. Писать подобные трактаты очень легко. Стали появляться курсы исторіи безъ именъ

и фактовъ; въ этихъ курсахъ представлялась только экономическая и государственная эволюція народовъ. Въ области исторіи, какъ и въ сферѣ положительныхъ наукъ, стали пророчествовать.

Въ области религіи естествознаніе и исторія пришли въ рѣшительное столкновеніе съ религіознымъ представленіемъ промысла. Промыслъ по богословскому представленію состоитъ во 1) въ томъ, что естественный порядокъ вещей имѣеть въ виду нравственный цѣли и во 2) въ томъ, что противоестественнымъ образомъ разстраиваемый естественный порядокъ исправляется сверхъестественнымъ образомъ во имя тѣхъ же нравственныхъ цѣлей. Промысломъ предполагается существованіе свободы у конечныхъ тварей и связь Божества съ человѣчествомъ. Вѣрующій взоръ цѣлесообразность мірового порядка, являющуюся выраженіемъ божественнаго промысленія о мірѣ, открываетъ вездѣ. Вотъ передо мною статья G. Van der Mensbrugge въ послѣдней книжкѣ естественнонаучнаго журнала *Revue des Questions scientifiques* (1911, Juillet)—о четырехъ провиденціальныхъ свойствахъ воды: 1) вода имѣется вездѣ, гдѣ только человѣкъ можетъ вынести климатъ; 2) вода при замерзаніи расширяется, этимъ обуславливается возможность существованія въ нашихъ рѣкахъ водяной фауны; 3) вода испаряется при всякой температурѣ, этимъ между прочимъ обуславливается смягченіе холода у полюсовъ и жары у экватора; 4) вода заключаетъ въ себѣ громадное количество теплоты и силы. Размышленіе объ этихъ свойствахъ воды направляетъ мысль автора къ высшему Устроителю міра. Точно также мысль вѣрующаго въ историческихъ фактахъ всегда готова усматривать проявленіе дѣйствія божественной десницы. Уже Мефистофель опредѣляетъ себя такъ, что онъ хочетъ дѣлать зло, а дѣлаетъ только добро, а изъ наблюденій надъ дѣйствительностью мы можемъ видѣть, какъ зависть, злоба и эгоизмъ производятъ то, что въ концѣ концовъ является благо. Исторія Іосифа, сущность которой сводится къ тому, что вслѣдствіе попытки погубить человѣка спаслись отъ ужасныхъ послѣдствій голода цѣлые народы, эта исторія на самомъ дѣлѣ повторяется часто. Отсюда разумѣется не слѣдуетъ, что нужно дѣлать, зло чтобы вышло добро: изъ добра всегда выйдетъ больше добра, чѣмъ изъ зла. Но эти факты

подсказываютъ выводъ, что какая-то Высшая Сила въ историческомъ процессѣ помогаетъ добру торжествовать надъ зломъ.

Естествознаніе и исторія не хотятъ признавать существованіе этой силы. Понятіе цѣлесообразности съ ихъ точки зрѣнія субъективно и затѣмъ они принимаютъ и расширяютъ тезисъ Эмпедокла, что въ природѣ по необходимости должно сохраняться только цѣлесообразное. Сохраняются устойчивыя соединенія, торжествуетъ въ борьбѣ высшая, т. е. такъ сказать, болѣе сильная сила. А такъ какъ сила ума въ сущности сильнѣе, чѣмъ сила кулака, то въ концѣ концовъ и долженъ торжествовать умъ. Для объясненія этой духовной побѣды нѣтъ нужды обращаться ни къ какому Промыслу.

Затѣмъ существованіе Промысла отрицается естествознаніемъ и исторіей по двумъ основаніямъ. 1) Многовѣковое богоискательство не привело людей ни къ чему. Некультурные люди древняго міра думали, что боги находятся недалеко отъ каждаго изъ нихъ, человѣку первобытнаго міра казалось, что стоитъ ему вступить въ глубь лѣса, въ глубь воды, въ темную пещеру, вообще стоитъ проникнуть немного въ окружающую его область мрака, и онъ немедленно увидитъ божество. Но такъ какъ эти попытки проникнуть въ область сверхъестественныхъ тайнъ въ теченіе вѣковъ лишь показали, что тамъ, гдѣ удалось разсѣять мракъ, онъ скрывалъ то же, что въ другихъ было и существовало при солнечномъ свѣтѣ, что онъ не скрывалъ никакихъ тайнъ, то и пришли къ заключенію, что искомыя тайны никогда не откроются человѣчеству. Небо равнодушно къ самымъ усерднымъ исканіямъ и къ самымъ горячимъ мольбамъ. Людямъ дана земля, и они должны заботиться о томъ, чтобы устроиться на ней наилучшимъ образомъ; кончится ли для нихъ все этою земною жизнью, или ихъ ждетъ иное загробное существованіе, человѣчество не должно спрашивать, потому что Божество, если только оно существуетъ, не хочетъ отвѣчать на этотъ вопросъ. 2) Если наблюденіе не обнаруживаетъ слѣдовъ божественнаго промысленія о мірѣ, то съ другой стороны теорія требуетъ его отрицанія. Изученіе явленій исходитъ изъ того начала, что между ними существуетъ связь необходимости; представить себѣ, что эта связь

порою прерывается, что явленія оказываются результатами воздѣйствія какихъ-то силъ не могущихъ подлежать изученію, не отвѣчающихъ требованію законмѣрности, представить это, говорятъ, значитъ отказаться отъ науки. Наука знаетъ факторы, дѣйствующіе въ природѣ и исторіи, но если въ ряду этихъ факторовъ находится такой который не можетъ быть измѣренъ, то тогда рушится вся наука.

Вотъ, кажется, тѣ основанія, во имя которыхъ люди отрицаютъ существованіе связи между Божествомъ и человѣчествомъ и считаютъ человѣчество совершенно свободнымъ отъ обязанности подчиняться какому бы то либо Высшему Началу.

Первое изъ этихъ основаній самое наивное. Самовозникающая цѣлесообразность есть нѣчто химерическое. Для того, чтобы существовалъ какой-бы то ни было организмъ, нужно, чтобы онъ изначала былъ приспособленъ къ средѣ. Факты показываютъ намъ, что высшая сила обычно сначала является въ самомъ безпомощномъ видѣ. Новорожденный младенецъ, хотя бы въ немъ таился будущій Ньютонъ или Кантъ, беззащитенъ, безпомощенъ, требуетъ ухода и многихъ благопріятныхъ условій для сохраненія жизни. Затѣмъ высшіе организмы—люди, человѣкообразныя обезьяны, слоны, львы, зубры оказываются приспособленными къ средѣ гораздо меньше, чѣмъ низшіе организмы, которые крайне неприхотливы и размножаются необыкновенно быстро. При такихъ условіяхъ торжество ума, добра и красоты не представляется дѣломъ легко объяснимымъ.

Говорятъ, что многовѣковое богоискательство не привело ни къ чему. Кого ни привело ни къ чему? св. Іустина, блаж. Августина, Антонія В., преподобныхъ Сергія Радонежскаго, Серафима Саровскаго? Нѣтъ; ихъ оно привело къ Богу. Ни къ чему привело богоискательство во вкусѣ Лаланда. Этому астроному приписываютъ слова: „я осмотрѣлъ въ телескопъ все небо и нигдѣ не видалъ Бога“ Лаландѣ, говорятъ, былъ страшно безобразенъ и о немъ замѣчали, что онъ своимъ атеизмомъ мстилъ Богу за свое безобразіе. Наполеонъ потребовалъ отъ него исповѣданія вѣры и онъ представилъ его, заявивъ себя истиннымъ почитателемъ христіанскаго Бога. Я думаю, что атеизмъ, какъ и вѣру въ Бога, нельзя отдѣлять отъ личности атеистовъ и вѣрующихъ.

И личность Лаланда, даже его трусость и безобразіе для насъ не безразличны при обсужденіи его взглядовъ. Но я привелъ приписываемыя ему слова только, чтобы показать, что неумѣнье найти при самомъ энергичномъ исканіи не служитъ доказательствомъ того, что не существуетъ то, чего ищутъ. Можетъ быть, стоя въ Луврѣ предъ произведеніями Рафаэля, Мурильо или Леонардо де Винчи, Лаланда тоже не чувствовалъ и не видалъ мастеровъ. Можно, вѣдь, и читая книгу не видать и не чувствовать автора. Методъ правильного исканія Бога давно выясненъ. Нужно очищать и возвышать себя нравственно чтобы по возможности сдѣлать себя достойнымъ воспріятія духа Божія. Кто осмѣлится сказать, что онъ достаточно чистъ для того, чтобы обрѣсти Бога въ своемъ сердцѣ и что однако онъ не чувствуетъ на себѣ божественнаго воздѣйствія, тотъ можетъ отрицать существованіе Бога. Но такихъ святыхъ безбожниковъ нѣтъ и не будетъ. Наоборотъ, многіе люди хотя и со слабостями, но стремящіеся стать нравственно лучше, могутъ засвидѣтельствовать, что въ своей жизни они замѣчали неоднократно воздѣйствіе божественной десницы.

Совмѣстима ли дѣятельность божественнаго промысла съ требованіями науки? Я думаю, что она совмѣстима съ этими требованіями такъ же, какъ съ ними совмѣстима человѣческая дѣятельность. Положимъ, вы захотѣли бы изучить Московскую губернію въ геологическомъ отношеніи. Неужели шоссе существующія въ губерніи, полотна желѣзныхъ дорогъ, плотины на рѣкахъ лишаютъ васъ возможности дѣлать геологическія изслѣдованія и обязываютъ отрицать науку. И шоссе и желѣзныя дороги созданы промыслительною дѣятельностью человѣчества, законы природы ими не отрицаются; наоборотъ, все это устроено только благодаря знанію законовъ природы. Поднимемся нѣсколько выше. Представимъ себѣ Существо, которое знаетъ міръ такимъ, каковъ онъ есть, знаетъ его абсолютнымъ образомъ. Почему мы можемъ отрицать, что такое Существо можетъ воскрешать мертвыхъ, осушать море, парализовать дѣйствіе тяжести какою либо иною силою? отрицать возможность бытія такого существа нельзя. Съ другой стороны только въ предположеніи Его существованія можетъ найти себѣ смыслъ и объясненіе жизнь. Если не существуетъ живого абсолют-

наго Разума, то значить во вселенной совѣсьмъ нѣтъ разума. Если нѣтъ живого Добра, то не существуетъ никакой морали. Не можетъ существовать и никакой свободы. Если нѣтъ Бога, то мы—только продуктъ физической природы, но физическая природа, подчиненная законамъ необходимости, не могла надѣлать насъ свободою, которой не имѣетъ сама, и не могла хотя бы въ самой незначительной мѣрѣ эмансипировать насъ отъ подчиненія ей. Наконецъ, если нѣтъ красоты абсолютной, то не существуетъ и никакой красоты. Понятіе прекраснаго становится субъективнымъ и искусственнымъ. И Лалаандъ во имя этого могъ бы считать себя красавцемъ. Если нѣтъ Бога, то путь прогресса не ведетъ ни къ чему. Мы взбираемся по лѣстницѣ, верхъ которой теряется въ пустотѣ.

Естествознаніе однако не столько полемизируетъ съ религіей во имя принциповъ, сколько во имя фактовъ. Принципы—вещь спорная и занимается ими философія. Въ области принциповъ споры ведутся тысячелѣтія. Но факты представляютъ собою нѣчто очевидное, несомнѣнное и поэтому отрицанію христіанства во имя естествознанія придается особенно важное значеніе. Возраженія противъ христіанскаго пониманія міра и его исторіи дѣлаются по безчисленному количеству пунктовъ. Важнѣйшія касаются вопросовъ о происхожденіи міра, происхожденіи жизни и происхожденіи человѣка. Остановимся немного на нихъ.

Долгое время считалась истинной теорія происхожденія міра предложенная Лапласомъ, согласно которой отъ первоначальной сферической туманности вслѣдствіе центробѣжной силы отдѣлялись кольца, эти кольца превращались въ міры—планеты, отъ нихъ тоже отдѣлялись кольца, превращавшіяся въ спутники планетъ, въ центрѣ этой системы осталось $\frac{699}{700}$ всей матеріи туманности; эти $\frac{699}{700}$ и представляютъ собою солнце. Если бы 40 или 30 лѣтъ назадъ вы стали бы спеціалистамъ выражать свое недовѣріе къ этой теоріи, на васъ бы многіе взглянули съ тѣмъ страннымъ выраженіемъ лица, съ которымъ обычно смотрятъ на тѣхъ, кто кажется психически ненормальнымъ. Я не буду вамъ говорить теперь о томъ, что явилась по вопросу и происхожденіи нашего міра въ послѣдніе 40—30 лѣтъ, остановлю ваше вниманіе лишь на трактатахъ по вопросу, если хотите, почти въ буквальномъ смыслѣ появившихся только на дняхъ.

Американецъ Си (See) развилъ теорію происхожденія солнечной системы, которую очень удачно называютъ теоріей захвата. Вслѣдствіе встрѣчи въ небесномъ пространствѣ двухъ роевъ космической пыли (двухъ разрѣженныхъ туманностей) или какъ продуктъ сгущенія одной такой туманности несимметрической формы образовалась спиральная туманность обладающая вращательнымъ движеніемъ, но лишенная гидростатическаго давленія.

Центральное тѣло системы, солнце, образуется изъ этой туманности и составляетъ ея главную часть, но только оно одно; туманность не послужила, какъ у Лапласа, матеріаломъ для образованія планетъ и ихъ спутниковъ: планеты—это небесныя тѣла, совершенно случайно, въ разное время, попавшія въ солнечную туманность; притяженіе солнца заставило ихъ описывать вокругъ него орбиты; положеніе и форма этихъ орбитъ зависѣла сначала только отъ направленія и скорости, съ которыми тѣло вошло въ солнечную туманность, но мало-по-малу сопротивленіе, оказываемое туманностью, внутри которой оно двигалось, съ каждымъ оборотомъ измѣняло его орбиту, уменьшая ее и приближая къ кругу, пока орбиты планетъ не приняли своего настоящаго вида. Кромѣ того, то же сопротивленіе измѣнило и положеніе орбитъ: всѣ онѣ все больше и больше приближались послѣ каждого оборота къ одной плоскости, именно къ плоскости вращенія самой туманности. Происхожденіе спутниковъ такое же: они также попали въ солнечную туманность изъ внѣшняго мірового пространства, но удержаны были не притяженіемъ Солнца, а той планетой, въ сферу дѣйствія которой они случайно попадали. Теорія же даетъ объясненіе орбитамъ внѣшнихъ спутниковъ Юпитера и Сатурна, обладающихъ большими наклоненіями и эксцентриситетами, въ противоположность почти круговымъ орбитамъ внутреннихъ спутниковъ: внѣшніе спутники при вступленіи въ солнечную систему попали во внѣшнюю часть туманности, столь разрѣженную, что она за все время своего существованія не успѣла сильно измѣнить ихъ первоначальный орбиты. Для нашей луны See не видитъ основаній дѣлать исключеніе: слѣды того, что луна не одного происхожденія съ землей, а сдѣлалась спутникомъ земли благодаря тому же захвату, какъ и спутники всѣхъ другихъ планетъ, видны, по его

мѣнью, въ значительномъ эксцентриситетѣ лунной орбиты и, быть можетъ, въ загадочномъ вѣковомъ ускореніи движенія луны. Такимъ образомъ, луна никогда не была на близкомъ разстояніи отъ земли, напротивъ, прежде она, по всей вѣроятности, находилась значительно дальше. Какъ видно отсюда, See въ своихъ взглядахъ на происхождение луны очень значительно расходится съ интересной и популярной въ послѣднее время теоріей „приливной эволюціи“ Джорджа Дарвина, по которой луна когда то отдѣлилась отъ земли, причемъ первое время послѣ своего образованія находилась очень близко къ землѣ и вращалась около нея всего въ нѣсколько часовъ; но огромные приливы, вызывавшіеся на обоихъ тѣлахъ (тогда еще раскаленно-жидкихъ) ихъ взаимнымъ притяженіемъ, повлекли за собой съ одной стороны замедленіе вращенія земли, а съ другой—постепенное удаленіе луны, удлиненіе мѣсяца и, наконецъ, заставили луну навсегда остаться обращенной къ землѣ одной стороной. (Русск. астрономич. календарь на 1911 г. стр. 111—112).

Изъ теоріи Си слѣдуетъ, что первоначально тѣла попавшія въ область солнечной системы двигались по всевозможнымъ орбитамъ — гиперболическимъ, параболическимъ и эллиптическимъ и во всевозможныхъ направленіяхъ. Только постепенно плоскости орбитъ стали приближаться къ плоскости солнечнаго экватора и самыя орбиты къ круговымъ. Но вотъ директоръ стокгольмской обсерваторіи профессоръ Стрёмгренъ только что опубликовалъ важный мемуаръ, надъ которымъ работаль пятнадцать лѣтъ и въ которомъ пытается дать отвѣтъ—принадлежали ли кометы изъ начала къ солнечной системѣ или они пришли въ нее изъ междузвѣздныхъ пространствъ. Съ точки зрѣнія Си вѣрно-послѣднее: кометы пришли въ солнечную систему изъ безконечныхъ пространствъ, съ точки зрѣнія Стрёмгрена вѣрно обратное: кометы изначала были спутниками солнца и первоначально ихъ орбиты были менѣе эксцентричными, чѣмъ стали теперь. Возмущающее дѣйствіе планетъ (особенно Юпитера) удлиняло и измѣняло кометныя орбиты (*Revue Scientifique*. 1911. № 2 Septembre, p. 305). Различіе между теоріями Си и Стрёмгрена таково же, каково различіе между теоріями Птолемея и Коперника: по первой солнце движется вокругъ земли, по второй—земля вокругъ солнца. По теоріи Си ко-

меты захвачены солнцемъ и все болѣе притягиваются имъ; по теоріи Стрёмгрена кометы изначала находились въ солнечной системѣ, но съ теченіемъ времени происходятъ ихъ болѣе и болѣе раскрѣпощеніе, по удлинняющимся орбитамъ онѣ все болѣе и болѣе удаляются отъ солнца. У Си факторомъ закрѣпощающимъ кометы является среда, въ которой онѣ движутся. У Стрёмгрена факторомъ раскрѣпощающимъ кометы является притяженіе планетъ. И Си и Стрёмгрень—люди безусловно компетентные, т. е. знающіе весь матеріалъ, дающій основанія для рѣшенія проблемы. Почему же они такъ разошлись? Потому что при настоящемъ состояніи науки вопросъ о происхожденіи міра или вѣрнѣе вопросъ объ образованіи хотя бы нашей солнечной системы абсолютно неразрѣшимъ. Никто не видалъ возникновенія міровъ, никто не видалъ преобразованія туманностей. Люди всегда видѣли міръ такимъ, каковъ онъ есть; измѣненія наблюдались лишь самыя ничтожныя, да и то на землѣ, а на небѣ всѣ измѣненія пока сводились къ чрезвычайно незначительному перемѣщенію нѣкоторыхъ звѣздъ считавшихся неподвижными. Пытаются нарисовать исторію міра на основаніи, такъ сказать, теоріи косвенныхъ уликъ, но и этихъ уликъ не оказывается. Напротивъ, являются улики неблагопріятныя. Укажу одну: по теоріямъ происхожденія міра въ прошедшемъ на землѣ было теплѣе, чѣмъ теперь, но вотъ геологія уже болѣе полсотни лѣтъ настаиваетъ, что геологическая эпоха, предшествовавшая современной, была гораздо холоднѣе, и поэтому эпоха эта названа ледниковой.

Что слѣдуетъ изъ всего этого? Я думаю то, что наука ничего не знаетъ о происхожденіи міра. Это прискорбно, но въ этомъ нужно сознаться, а не нужно дѣлать вида, что знаешь то, чего незнаешь.

Теперь другой вопросъ—о происхожденіи жизни. Вы конечно знаете, что попытки найти факты произвольнаго зарожденія неизмѣнно терпѣли крушеніе. Пастеръ-католикъ по убѣжденіямъ рѣшительно выступилъ противъ теоріи произвольнаго зарожденія. Затѣмъ Тиндаль свободомыслящій выступилъ съ доказательствами, что тамъ, гдѣ находили факты произвольнаго зарожденія, ихъ на самомъ дѣлѣ не было. Геккель было вообразилъ, что нашелъ простѣйшій организмъ—переходное звено между неорганическимъ и органическимъ

міромъ. Это—батыбіи (*Bathibius Haeckelii*), но вѣроятно же всего это—тонкій осадокъ гипса искусственно образовавшійся въ морской водѣ отъ дѣйствія крѣпкаго спирта и похожіи на бѣлковыя вещества. Теперь при разсужденіи о происхожденіи первоорганизмовъ на батыбіи не ссылаются. Развита была теорія архебіозиса—постепеннаго преобразованія неорганическаго вещества въ органическое. Въ первое десятилѣтіе XX-го столѣтія Арреніусъ попытался рѣшить вопросъ, устранивъ его. Онъ выступилъ съ теоріей панспермизма. Сѣмена жизни вѣчно были разсѣяны по всей вселенной, попали между прочимъ на землю и здѣсь возникла и развилась жизнь. Берке и Ледюкъ пытались вопросъ о первоначальномъ зарожденіи рѣшить въ положительномъ смыслѣ эмпирическимъ путемъ. Ихъ опыты не доставили имъ славы. Но и ничего не рѣшающая теорія панспермизма оказалась ни на чемъ неоснованной. Теорія предполагаетъ, что всюду существуетъ жизнь, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ она гдѣ-нибудь кромѣ земли? Уоллэсъ, сотоварищъ Дарвина по созданію и развитію его теоріи, отрицаетъ это рѣшительно, но много людей становятся въ ряды защитниковъ теоріи множества обитаемыхъ міровъ между ними есть и русскіе богословы. Англійскій ученый Лоуэлъ выступилъ съ рѣшительною защитою теоріи обитаемости Марса, какую теорію впервые подеказалъ теперь уже умершій итальянскій ученый Скиапарелли назвавшій открытія имъ на Марсѣ линіи каналами. Судьба этого открытія оказывается такою же, какъ и судьба наблюдавшихся въ прошедшемъ фактовъ произвольнаго зарожденія. Такъ какъ факты по отношенію къ Марсу были на лицо, то изъ нихъ дѣлались выводы. Во 1) выводили, что культура жителей Марса стоитъ несравненно выше культуры жителей земли, потому что земные инженеры не могли бы соорудить такихъ громаднхъ каналовъ. Во 2) разсуждали, что слѣдуетъ вступитъ въ сношенія съ жителями Марса посредствомъ какой-либо гигантской сигнализациі. За эту мысль живо ухватился Фламмаріонъ, авторъ книги „многочисленность обитаемыхъ міровъ“ и творецъ многихъ мертворожденныхъ гипотезъ въ астрономіи. Нашлись люди, которые дали денегъ на устройство сношеній земли съ Марсомъ. Довольно крупныя ученые обитаемость Марса стали считать доказаннымъ фактомъ. Но вотъ

стало обнаруживаться нѣчто странное. Чѣмъ хуже была астрономическая труба, въ которую смотрѣли на Марсъ, тѣмъ лучше были видны каналы. Рѣшительный ударъ теоріи каналовъ нанесъ Антоніади, соратникъ Фламмаріана, раньше вмѣстѣ съ Фламмаріономъ наблюдавшій въ Жювизи марсовскіе каналы, но потомъ въ обсерваторіи Медона увидѣвшій, что ихъ нѣтъ, и понявшій, почему столь многіе астрономы ихъ видѣли. Вотъ—его заключенія, напечатанныя имъ въ іюльской книжкѣ *Bulletin de la Société Belge d' Astronomie* за текущій 1911 годъ. „I.—Истинный видъ планеты Марсъ есть естественный (безъ искусственныхъ прямыхъ линій), подобный виду Земли или Луны. II.—При хорошихъ условіяхъ наблюденія на Марсъ не обнаруживается никакого слѣда геометрической сѣти. III.—Континентальныя области планеты покрыты безчисленнымъ количествомъ темныхъ пятенъ съ очень различными контурами и интенсивностію. Спорадическія группировки этихъ пятенъ, имѣющихъ тенденцію къ аггломерации, въ малыхъ инструментахъ даютъ видъ системы каналовъ Скіапарелли“ (р. 221).

Исторія каналовъ Марса очень поучительна. Она показываетъ намъ, какъ наблюденія съ птичьяго полета наблюденія плохого зрѣнія могутъ послужить основаніемъ для развитія широкихъ теорій, съ которыми потомъ долго приходится бороться, чтобы расчислить дорогу на пути къ истинѣ. Для плохого зрѣнія отдѣльные и самостоятельныя элементы сливаются въ одно цѣлое. Ученые съ плохимъ умственнымъ зрѣніемъ увѣряютъ насъ, что между неорганическимъ и органическимъ царствомъ существуетъ непрерывность. Теорія непрерывности въ органическомъ мірѣ порождена тоже слабымъ зрѣніемъ, т. е. недостаточнымъ изслѣдованіемъ фактовъ. Это неумѣнье подмѣчать различіе и раздѣльность породило и теорію, устанавливающую родство человѣка и обезьяны. Какъ просто казалось дѣло, когда была провозглашена эта теорія! Какъ легко Геккель нарисовалъ родословную человѣка, начиная съ монеры. Теперь подобныя родословныя приравниваютъ родословіямъ гомеровскихъ героевъ и подобнаго рода этюды именуютъ зоологической мифологіей. Я не буду говорить о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи человѣка. Я отсылаю желающихъ къ моей работѣ „Взглядъ Васманна на происхожденіе человѣка“.

Ни одинъ изъ кардинальныхъ вопросовъ о происхожденіи не рѣшенъ. Мы не знаемъ, какъ произошелъ человѣкъ, какъ произошли существующія теперь расы, откуда явилось населеніе Европы или Америки, какъ образовался языкъ, какъ возникла религія. Наука накопила громадное количество фактовъ, она безконечно расширила нашъ опытъ и благодаря этому высоко поднялась техника, представляющая собою продуктъ конденсированнаго опыта. Но наука отъ дней троянской войны и до нынѣ не дала намъ для рѣшенія принципиальныхъ вопросовъ такого матеріала, которымъ человечество не располагало бы всегда. Вся сущность завоеваній науки по моему мнѣнію сводится къ тому, что наука все чаще и чаще оказывается въ состояніи устанавливать положеніе: *если привести въ такое то сочетаніе такіа то силы и вещества, то получится то-то*. Но что такое эти силы, что такое эти вещества? наука не знаетъ этого теперь также, какъ она не знала этого во дни Архимеда.

Естествознаніе въ лицѣ своихъ невѣрующихъ представителей пыталось отрицать отдѣльные факты, утверждаемые нашей религіей. Мы принимаемъ согласно Библии, что Божественный промыслъ нѣкогда поразилъ человечество потопомъ. Намъ возражали, что потопа никогда не было, нѣтъ его слѣдовъ, нельзя его допустить теоретически. Но эта точка зрѣнія постепенно стала мѣняться. Я уже сказалъ, что предшествовавшая геологическая эпоха считается болѣе холодною, чѣмъ современная. Она характеризовалась развитіемъ ледниковъ. Она закончилась таяніемъ ледниковъ. Вотъ съ этимъ таяніемъ теперь многіе и ставятъ въ связь потопъ. Какъ на послѣднюю попытку въ этомъ родѣ, я укажу на главу Die Sintflut—потопъ въ книгѣ Riem'a Natur und Bibel. 1910. Авторъ первоначально еще въ 1906 г. выступилъ съ этнографически-естественно-научнымъ изслѣдованіемъ о потопѣ. Я не считаю его попытку вполне удачною, но думаю, она удачнѣе работъ противниковъ потопа.

Укажу еще на другой фактъ. Библія рассказываетъ намъ, что при Иисусѣ Навинѣ однажды пошелъ каменный дождь съ неба. Ученые новаго времени категорически отрицали возможность такого факта. Теперь многократная дѣйствительность его установлена съ несомнѣнностью. Но мало этого. Въ послѣднее время предложена гипотеза, согласно которой

каменный дождь является совершенно аналогичнымъ обыкновенному дождю, хотя и несравненно болѣе рѣдкимъ. Дождь образуется изъ пара поднимающагося съ земли. Мы знаемъ дождь изъ вулканическаго пепла. Но вулканы выбрасываютъ не только пепель, а и камни. Если допустить, что дѣятельность вулкановъ въ геологическомъ прошедшемъ была гораздо энергичнѣе, чѣмъ теперь, то могло быть, что сила верженія вулкановъ выбрасывала камни на такую высоту, съ которой они уже не падали обратно, а становились спутниками земли. Они могли вращаться вокругъ земли въ теченіе тысячелѣтій, но отъ времени до времени тѣ или другіе изъ нихъ должны были попадать въ сферу земного притяженія и падать на землю. Этою гипотезою не исключаются падающія звѣзды небснаго происхожденія, каковы леониды, паденіе которыхъ скоро можно будетъ наблюдать (около 1 ноября), затѣмъ андромедиды, геминиды, эта гипотеза только дополняетъ существующую теорію падающихъ звѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она удовлетворительно объясняетъ нѣкоторыя религіозныя сказанія.

Религіи обычно говорятъ о концѣ міра. Въ старину ученые склонны были выраженіе: „земля во вѣкъ стоитъ“ измѣнять въ тезисъ: земля стоитъ вѣчно. Еще въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія Сименсомъ была предложена теорія круговорота солнечной энергіи, еще и теперь спорятъ по вопросу объ устойчивости солнечной системы, но въ общемъ наука, безсознательно выходя изъ апіорныхъ принциповъ, утверждаетъ, что землю ожидаетъ конецъ. Каковъ этотъ конецъ, рѣшаютъ различно, на конецъ будетъ: или мы сгоримъ, упавши на солнце; или замерзнемъ, если солнце потухнетъ; или потонемъ, если земля подъ постояннымъ дѣйствіемъ размывающихъ ея берега океановъ покроется водою, или задохнемся, если измѣнится составъ атмосферы, или погибнемъ отъ собственнаго истощенія. Гипотезъ, какъ видите, сколько угодно, но что на самомъ дѣлѣ будетъ съ землею, никому неизвѣстно.

Для оцѣнки естественно научныхъ теорій враждебныхъ религіи поучительно обращаться къ исторіи естествознанія. Сколько на протяженіи вѣковъ пало антихристіанскихъ теорій. Изъ теорій неизмѣнности расъ выводили невозможность ихъ происхожденія отъ общихъ родоначальниковъ. Теперь

на этой невозможности едва ли кто рѣшится настаивать. Даже блоха зарождающуюся сама собою привлекали для доказательства того, что Бога нѣтъ. Но такъ какъ оказалось, что блоха зарождается не сама собою, то это ея богословское значеніе въ настоящее время отвергнуто. Но на очереди дня стоитъ много иныхъ ученій имѣющихъ тенденцію враждебную религіи. Я пытался показать вамъ, что положительныя открытія послѣднихъ лѣтъ не благопріятствуютъ этимъ ученіямъ. Для людей постаравшихся воспитать въ себѣ антирелигіозный складъ мышленія, это не послужитъ никакимъ урокомъ, но людямъ еще колеблющимся между Богомъ и обезьяною, мнѣ кажется, эти факты должны показать, что аргументъ отъ обезьяны не такъ силенъ, какъ это хотятъ показать его сторонники.

Исторія, вообразившая себя естествознаніемъ, пожалуй еще рѣшительнѣе идетъ противъ религіи и религіознаго пониманія фактовъ, чѣмъ естествознаніе. Эта исторія принимаетъ принципы и устанавливаетъ рядъ законовъ несомѣстимыхъ съ идеею промысла, слѣдовательно несомѣстимыхъ и съ религіозною вѣрою. Принимается принципъ безусловной необходимости совершающагося, этимъ изъ исторіи исключаются свободная воля и Божественный Промыслъ, принимается принципъ эволюціи, отрицается значеніе индивидуума, историки бессознательно и не догадываясь вводятъ въ объясненіе явленій законы большихъ чиселъ и среднихъ величинъ. Исторія по новымъ взглядамъ есть исторія прогресса. Она представляетъ движеніе отъ простаго къ сложному, отъ однообразнаго къ многообразному, отъ заблужденія къ истинѣ, отъ наиболѣе грубаго къ наименѣе. Исторія допускаетъ остановки и отступленія въ развитіи народовъ, но это нѣчто неважное и случайное въ историческомъ процессѣ. Религіозная исторія человѣчества является одною изъ сторонъ всеобщей исторіи. Народы по новѣйшимъ возрѣніямъ въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ проходили одни и тѣ же этапы—анимизмъ (одухотвореніе и обожествленіе природы), культъ предковъ, тотемизмъ (почитаніе тѣхъ или иныхъ животныхъ, какъ своихъ божественныхъ предковъ), политеизмъ (почитаніе многихъ боговъ), монотеизмъ (единобожіе), пантеизмъ—нѣчто параллельное моноте-

изму. Съ точки зрѣнія этихъ принциповъ и этой схемы трактуется и религіозная исторія евреевъ.

А такъ какъ Библия не даетъ для такихъ взглядовъ дѣйствительныхъ основаній, то стали находить основанія мнимыя: упоминаніе въ Библии о дубѣ по гипотезѣ нашихъ историковъ служить доказательствомъ, что у евреевъ почитались священныя деревья, упоминаніе о гробѣ доказываетъ существованіе культа предковъ. Усвоеніе людямъ именъ животныхъ (Лія—львица, Рахиль—овца) указываетъ на фактъ тотемизма. Такова логика рачіоналистическаго построенія исторіи. Настаивая на тождествѣ религіозной исторіи евреевъ и другихъ народовъ, ученые этого направленія однако упускаютъ изъ виду очень важный фактъ, что ни одинъ народъ самъ не пришелъ къ монотеистическимъ вѣрованіямъ. Монотеизмъ данъ человечеству евреями. Откуда же онъ возникъ у этихъ скромныхъ семитовъ? Гдѣ историческія аналогіи для объясненія этого факта? Если не Единный Богъ создалъ евреевъ, то какъ евреи сѣумѣли создать этого Единого Бога? На этотъ вопросъ новая наука не даетъ отвѣта, но что исторія евреевъ не заключала въ себѣ ничего чудеснаго и поразительнаго, это доказывается необыкновенно легко и просто. Въ библии мы встрѣчаемся съ пророчествами. Рачіоналистическая критика не допускаетъ ихъ существованія. Поэтому разъ въ библии встрѣчается пророчество, то по теоріи критиковъ оно должно быть или написано послѣ событія или подъ нимъ должно разумѣть не то послѣдующее событіе, къ которому его относили. Пророчество Исаи о Кирѣ (Исаи XLV) должно быть написано во времена Кира (VI в. до Р. X.), отсюда выводъ критики, что оно написано не Исаею (VIII в. до Р. X.), а неизвѣстнымъ современникомъ Кира. Пророчество Исаи о Христѣ (Исаи LIII, 13—LIII) написано несомнѣнно до Христа; отсюда выводъ, что оно, значить, имѣетъ въ виду не Христа, ибо пророчество не можетъ быть, и вотъ, составляется толкованіе, что отрокъ Іеговы, збедъ Іеговы, вовсе не отрокъ, не лицо, а лучшая часть еврейскаго народа, спасающая весь народъ. Такіе или болѣе правдоподобные выводы у невѣрующихъ изслѣдователей должны получаться неизбѣжно, какъ неизбѣжно алхимики стараго времени, искавшіе золота, находили

его въ своихъ тигляхъ, потому что клали его туда въ началѣ опыта.

Но схемы и законы, устанавливаемые историками, опредѣляютъ общее теченіе событій, перемежну социальныхъ формъ, движеніе идей; въ деталяхъ допускается разнообразіе. Былъ или не былъ такой-то фактъ? Въ какой послѣдовательности должны быть представлены такіе-то два факта? На эти вопросы не всегда можно давать отвѣты, выходя изъ принциповъ. Библия повѣствуетъ намъ о пребываніи евреевъ въ Египтѣ. Невѣрующіе мыслители XVIII вѣка использовали это повѣствованіе для объясненія закона Моисеева и самого Моисея. Онъ—египетскій магъ, воспитанный въ мудрости египетской, и чудеса исхода и ковчегъ такимъ образомъ имѣютъ свое происхожденіе и объясненіе въ Египтѣ. Но въ XIX вѣкѣ сталъ развиваться взглядъ, что законодатели—въ значительной степени миѣическія личности. Если для невѣрующихъ представлялось заманчивымъ объяснить дѣло Моисея естественнымъ образомъ, то еще болѣе заманчиво для нихъ установить, что Моисея совсѣмъ не было. Личность Моисея связана съ исходомъ изъ Египта, нужно отвергнуть и исходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно и входъ, и вотъ—развивается теорія, что евреи совсѣмъ не были въ Египтѣ. Ковчегъ это не аналогичное нѣчто гробницѣ Озириса, это нѣчто аналогичное вавилонскимъ лодкамъ, въ которыхъ по праздникамъ носили статуи боговъ. Теорія получаетъ право гражданства. И теперь на вопросъ о томъ, были ли евреи въ Египтѣ? учеными дается три отвѣта: были, не были, не знаемъ. Нѣкоторые представляютъ себѣ, что легко опровергать антирелигіозныя теоріи; нѣкоторые наоборотъ думаютъ, что легко выяснитъ несостоятельность религіозныхъ воззрѣній. И тѣ и другіе неправы. Историческія теоріи, какъ бы онѣ ни были хорошо продуманы и тщательно разработаны, часто характеризуются двумя чертами: необоснованностью и неуязвимостью. Онѣ не обоснованы, потому что не имѣется матеріала для ихъ обоснованія. Источникомъ еврейской исторіи является Библия. Если вы отвергнете принципъ довѣрія къ ней, какъ къ богодухновенной книгѣ, вы можете получать изъ нея какіе угодно выводы. Вы можете въ ней одно отвергать, а другое признавать. Книга маленькая, а между тѣмъ она обнимаетъ собою по ея собственному скром-

ному счету человѣческую исторію за пять тысячелѣтій. Посмотрите на историческія диссертациі часто обнимающія собою періодъ въ нѣсколько десятилѣтій, а иногда и менѣе. Обычно этими диссертациями человѣческое невѣдѣніе относительно изслѣдуемыхъ десятилѣтій не разсѣвается. Чего же ждатель отъ Библии? Существовали ли Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ или это—солнечныя миѣны? Написалъ ли второзаконіе Моисей или его сфабриковалъ священникъ Хелкія при Іосіи? Какъ утвердительно или отрицательно рѣшить эти вопросы? Логическій анализъ историческихъ доказательствъ показываетъ намъ, что они никогда не заключаютъ въ себѣ признака достовѣрности, они только вѣроятны въ большей или меньшей степени, но вѣроятность, какъ бы она ни была велика, всегда можетъ оказаться не соответствующею дѣйствительности.

Если съ одной стороны рѣшеніе историческихъ задачъ является дѣломъ крайне труднымъ, то съ другой стороны и доказывать неправильность предлагаемыхъ рѣшеній дѣло тоже очень трудное. Допустимъ, что мы отвергнемъ всѣ аргументы приводимые въ пользу какой-либо теоріи, вопросъ о несостоятельности теоріи этимъ еще не рѣшается. Примеръ изъ другой области, о которомъ мы уже толковали, пояснить это. Установлено, что на Марсѣ нѣтъ каналовъ. Аргументъ въ пользу его обитаемости исчезъ, но развѣ этимъ рѣшенъ вопросъ объ обитаемости Марса? Безусловно, нѣтъ. Такъ теорія, являясь необоснованной, въ тоже время можетъ быть неуязвимой.

Покойный Петербургскій историкъ Болотовъ въ своемъ введеніи въ церковную исторію говоритъ, что исторія есть наука *honoris causa*, т. е. попросту говоря, она вовсе не наука въ томъ смыслѣ, въ какомъ является наукою естествознаніе или еще болѣе математика. Я склоненъ развить этотъ тезисъ далѣе. Признакомъ того, что какой-нибудь вопросъ переживаетъ не научную стадію, служитъ разнорѣчивость и сумбурность даваемыхъ на него отвѣтовъ. Почитайте книги, выходящія теперь по вопросу о прародинѣ арійцевъ, т. е. предковъ теперешнихъ европейскихъ народовъ, персовъ и индусовъ. Какіхъ рѣшеній вы не найдете! Родина арійцевъ—въ Скандинавіи, въ Бактріанѣ, въ Россіи, въ Индіи, чуть ли не за полярнымъ кругомъ. Крайнее расхожденіе теорій и

различіе методовъ въ изслѣдованіи вопросовъ указываетъ, что еще не имѣется на лицо достаточно матеріала и не установленъ способъ его обработки по рѣшаемымъ вопросамъ. И въ историческихъ изслѣдованіяхъ мы можемъ видѣть, какъ остроуміе изслѣдователей обращается къ самымъ фактическимъ аргументамъ, чтобы поддержать ту или иную теорію. Кто предсѣдательствовалъ на апостольскомъ соборѣ (см. Дѣян. XV)? Говорятъ: Петръ, потому что онъ говорилъ первый. Говорятъ: Іаковъ, потому онъ говорилъ послѣдній. Но такъ какъ текстъ говоритъ, что на соборѣ велись разсужденія и до Петра и послѣ Іакова, то почему не допустить, что предсѣдательствовалъ кто-нибудь третій, разумѣя подъ предсѣдателемъ лицо открывшее и закрывшее засѣданіе и давшее слово ораторамъ. Почему не допустить, что такимъ предсѣдателемъ былъ хозяинъ дома? Почему не допустить, что этимъ хозяиномъ былъ Іоаннъ Маркъ, у котораго въ Іерусалимѣ, какъ видно изъ XII гл. книги Дѣяній, многіе собирались и молились? А можно допустить, что предсѣдательствовала мать Іоанна Марка—Марія. Богатое воображеніе пожалуй можетъ представить, что служанка Рода была секретаремъ. Можно безъ конца строить гипотезы, но гораздо разумнѣе, думаю, не строить совсѣмъ, поэтому я и не пойду въ составленіи гипотезъ далѣе.

Могутъ сказать, что въ историческихъ теоріяхъ нѣтъ крайняго сумбура и діаметральныхъ разногласій, что и въ свободной наукѣ можно найти немало общепринятыхъ положеній, которыя ставятся изслѣдователями обыкновенно во главу угла. Это совершенно вѣрно, но нужно понять, почему такъ. Что у изслѣдователей католическихъ или православныхъ въ ихъ библейскихъ и церковно-историческихъ теоріяхъ существуетъ согласіе въ кардинальномъ, это понятно: они руководятся авторитетомъ своего церковнаго ученія. Ихъ сдерживаютъ въ извѣстномъ руслѣ принципы. У протестантовъ и тѣмъ болѣе у свободомыслящихъ такихъ принциповъ нѣтъ, почему же и ихъ теоріи держатся приблизительно въ опредѣленныхъ рамкахъ? Потому, отвѣчу я, что и у нихъ есть сдерживающее и гораздо менѣе почтенное начало—мода. Совокупность различныхъ условій выдвигаетъ на очередь дня тѣ или иныя теоріи, и эти теоріи становятся вѣрою дня. Аналогичнымъ образомъ совокупность различ-

ныхъ условій опредѣляетъ на данный сезонъ форму дамскихъ шляпокъ, и у самой эксцентричной дамы не хватитъ рѣшимости отступить отъ этой формы далѣе извѣстныхъ границъ. То, что Бальфуръ называетъ духовнымъ климатомъ, умственное настроеніе общества мѣняется, какъ мѣняются его эстетическія требованія, но мѣняется постепенно. Когда ориенталистъ Гоммель сталъ усматривать въ Библии историческую правду, когда Гарнакъ высказалъ положеніе, что третье Евангеліе написано Лукою, смыслъ рецензіи въ издаваемомъ въ Парижѣ *Revue de l'Histoire des Religions* мнѣ показался приблизительно такимъ: жаль, очень жаль, но повидимому умственныя способности почтенныхъ ученыхъ очень понизились. Попробуйте, понизите при такихъ условіяхъ, когда ваши ближніе вокругъ васъ будутъ сокрушенно качать головой и говорить: его научная роль кончена, онъ способенъ писать теперь лишь побасенки. Еще признанный первокласснымъ ученый можетъ постоять за себя, но ученый второго или третьяго ранга едва ли на это осмѣлится.

За всѣмъ тѣмъ мода есть начало сдерживающее лишь временно и условно, и поэтому протестантская и свободомыслящая богословская наука характеризуется гораздо большею подвижностью, продуктивностью и постояннымъ появленіемъ новыхъ взглядовъ, чѣмъ историческія работы богослововъ съ строго опредѣленнымъ конфессіональнымъ направленіемъ. Напрасно въ этомъ видятъ что-то плодотворное. Въ началѣ XX столѣтія около кодекса Гаммураби въ протестантской литературѣ поднялся невообразимый шумъ на тему „Библия и Вавилонъ“. Но кодексъ на самомъ дѣлѣ открылъ и прочиталъ не протестантъ, а католикъ—аббатъ Шейль. Шумѣтъ же было рѣшительно не изъ-за чего, потому что вопросъ о взаимоотношеніи кодекса Гаммураби и закона Моисеева можетъ быть рѣшаемъ очень различнымъ образомъ.

Имѣя въ виду громадный хронологическій приоритетъ законовъ Гаммураби надъ законами Моисея, полагаютъ, что послѣдніе представляютъ заимствованіе и переработку первыхъ. А если это такъ, то заключаютъ, значитъ—послѣдніе не божественны. Въ открытіи законовъ Гаммураби видятъ новое доказательство послѣдняго положенія (естественнаго происхожденія Моисеевыхъ законовъ). Но я склоненъ утвер-

ждать совсѣмъ иное. Вѣра въ божественность Моисеевыхъ законовъ не есть вѣра въ то, что эти законы впервые были возвыщены съ Синая. Никто не утверждалъ, что заповѣди—не убій, не укради—не были извѣстны человѣчеству до Моисея. Несомнѣнно также, что было у евреевъ до Моисея обычное право, регулировавшее семейныя, общественныя, религиозныя и международныя отношенія. Самостоятельно ли у евреевъ образовались обычаи или путемъ заимствованія у другихъ народовъ, они по мысли вѣрующихъ въ божественность Библии, если были хороши и оказывались пригодными для евреевъ, въ Моисеевомъ законодательствѣ получили божественную санкцію. Не совсѣмъ хорошее подвергалось измѣненію, худое осуждалось. Но вотъ на что не хотятъ обратить вниманіе рационалисты. Ими до послѣдняго времени утверждалось, что законъ, называемый Моисеевымъ, не Моисеевъ и въ общемъ поздняго происхожденія. Новоткрытый кодексъ Гаммураби представляетъ сильное возраженіе противъ этого. Народы не списываютъ законовъ, а вырабатываютъ ихъ. Сходство законовъ еврейскихъ съ вавилонскими заставляетъ думать не о заимствованіи, а о хронологической смежности ихъ. Въ эпоху вавилонскаго плѣна евреи несомнѣнно имѣли выработанную вѣками сложную систему права, которую имъ не было никакой нужды измѣнять въ угоду вавилонянамъ, какъ позднѣе они не измѣнили ее въ угоду римлянамъ. Специальное сходство еврейскихъ и вавилонскихъ законовъ (въ нихъ есть еще сходство и со всѣми древними законодательствами—сходство общечеловѣческое) объясняется Библіей. Первоисторія евреевъ и вавилонянъ была общею. Раздѣленіе ихъ произошло въ ту пору, когда у вавилонянъ была развита письменность, евреи могли носить съ собою эти законы уже въ писаномъ видѣ, да и традиція и устойчивость формъ быта могли сохранять ихъ. И Моисей (по божественному повелѣнію, полагаемъ мы) хорошимъ изъ нихъ сдѣлалъ сводъ и изложилъ ихъ въ своихъ книгахъ. Во всякомъ случаѣ, открытіе кодекса Гаммураби заставляетъ предполагать древнее, а не позднее происхожденіе Моисеева закона, т. е. утверждаетъ, что историческій ходъ событій представляется въ Библии въ такой послѣдовательности, въ какой онъ происходилъ въ дѣйствительности.

Во всякомъ случаѣ кодексъ Гаммураби никого не переубѣдилъ. Да исторія не имѣеть въ своемъ распоряженіи средствъ убѣждать или переубѣждать въ вопросахъ вѣры. Какъ вы докажете, что Будда или Магометъ не творили чудесъ? Исторія не ставитъ на мѣсто вѣры знанія, а сама руководится тою или иною вѣрою. И думается, что разумная исторія можетъ базироваться только на религіозной вѣрѣ. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ заниматься историческими изслѣдованіями можно, лишь сознательно или безсознательно вѣря въ смыслъ исторіи. Не можетъ быть исторіи стоянія на одномъ мѣстѣ, всякая исторія есть исторія движенія. Движеніе можно изучать лишь въ предположеніи, что оно законосообразно. Движеніе циклоновъ и перелетъ птицъ изучаются въ этомъ предположеніи. Но относительно перелета птицъ дѣлается предположеніе, что онъ не только законосообразенъ, а и цѣлесообразенъ. Это послѣднее предположеніе лежитъ въ основѣ всѣхъ построеній человѣческой исторіи. Исторія пользуется идеею человѣчества, это—идея религіозная (всѣ въ Адамъ и отъ Адама) или метафизическая, но во всякомъ случаѣ не научная. Исторія пользуется идеями народности, народнаго блага, народныхъ идеаловъ. Даже въ сужденіяхъ о религіозныхъ судьбахъ человѣчества историки выходятъ изъ убѣжденія, что религіозныя представленія народовъ все болѣе очищаются, освобождаются отъ наслоенія мифовъ и суевѣрій, приближаются къ истинѣ. Будетъ ли эта истина заключаться въ томъ, что есть Богъ, или въ томъ, что Его нѣтъ, предполагаютъ во всякомъ случаѣ, что истина станетъ удѣломъ человѣчества. Невѣрующимъ историкамъ, представляющимъ человѣчество движущимся къ истинѣ, не мѣшало бы подумать: возможна ли истина безъ Бога и внѣ Бога.

Мнѣ всегда также представлялось, что исторія утверждается на вѣрѣ въ безсмертіе прошедшаго. Если прошлаго нѣтъ болѣе, если умершіе не существуютъ, то нелѣпы наши симпатіи и антипатіи къ нимъ, наше чувство связи съ ними. Культъ предковъ, развитый у дикарей, дѣлаетъ исторію логичной; отрицаніе безсмертія души дѣлаетъ исторію бессмысленной. Оказывается, безсмертны идеи и смертны тѣ, кто ихъ создаетъ. Математическія идеи поднимаются, какъ по ступенямъ лѣстницы, по головамъ Пифагора, Архимеда, Декарта, Лейбница и Ньютона. Эти ступени исчезаютъ, а идеи

остаются. Точно также и нравственныя свойства — правдивость, доброта, чистота сердца, они передаются, постепенно усовершеншаясь, изъ поколѣнія въ поколѣніе, они движутся по людямъ. Люди умирають, а они остаются. Точно также растеть и пониманіе прекраснаго, оно опять таки движется по поколѣніямъ, которыя отмирають, какъ вѣтви деревьевъ, и замѣняются новыми, смыслъ существованія которыхъ сводится тоже только къ тому, чтобы быть передаточными звеньями идей и настроеній между тѣми, кто имъ предшествовалъ и кто за ними послѣдуетъ. Что же вѣчно живетъ въ этомъ движеніи? То, что не имѣетъ жизни: пифагорова теорема, законъ тяготѣнія, теорія періодичности химическихъ элементовъ, а то, что имѣетъ душу живу, является въ этомъ процессѣ такою же случайностью, какъ листъ на деревѣ или доска брошенная для того, чтобы по ней можно было пройти черезъ грязь.

Идеи Бога и безсмертія души необходимы для того, чтобы сдѣлать исторію живою и разумною.

То, что человѣчество дѣйствительно знаетъ о своемъ прошломъ, не можетъ поколебать вѣры въ реальность этихъ идей. Но мы лично ставимъ иной гораздо болѣе узкій и специальный вопросъ: это прошлое, поскольку оно изучено, стоитъ ли въ согласіи съ библейско-христіанскими представленіями объ историческомъ процессѣ? На это должно отвѣтить: 1) фактъ несогласія не доказанъ; 2) поскольку въ прошедшемъ возникали историческія теоріи, стоявшія въ несогласіи съ нашимъ религіознымъ міропониманіемъ, удѣломъ ихъ всегда была лета, какъ и удѣломъ антирелигіозныхъ естественно научныхъ гипотезъ. Намъ говорили и о двадцатипятичелѣтней древности Египта и объ индійскомъ происхожденіи нашей религіи и о чемъ намъ ни говорили. И все это отошло въ область исторіи, а Библия остается какъ живою и могучей источникъ этой исторіи.

Конфликты, существующіе въ настоящее время между христіанствомъ и естественными и историческими науки, несколько не острѣе и не сильнѣе тѣхъ, какіе были въ первые вѣка христіанства. Богоборцы настоящаго повторяютъ въ сущности то, что во II в. по Р. Х. писалъ Цельсъ, въ III в. Поренрій, въ IV в. — Юліанъ. Только теперь у обѣихъ сторонъ, т. е. какъ противниковъ, такъ и защитниковъ христі-

анства оказывается гораздо меньше самоувѣренности. Первые далеко не такъ рѣшительно настаиваютъ на томъ, что они знаютъ тайны вселенной; вторые менѣе рѣшительно претендуютъ на то, что они правильно понимаютъ тайны откровенія. Протекшія столѣтія всёхъ въ нѣкоторой мѣрѣ научили скромности. Я не нахожу эту скромность ложною, напротивъ, склоненъ находить, что она еще недостаточна, пора бы по крайней мѣрѣ ученымъ возвыситься до сократовской мудрости заключающейся въ томъ, что Сократъ знаетъ о себѣ, что онъ ничего не знаетъ, а другіе этого о себѣ не знали.

Моя рѣчь о взаимоотношеніи христіанства и науки въ настоящее время имѣетъ своею цѣлю показать, что наука пока не располагаетъ ресурсами для того, чтобы отвергнуть христіанство, какъ устарѣвшее міросозерцаніе. Наука не можетъ трактовать христіанство такъ высокомѣрно, какъ нѣкогда трактовала его Плиній: суевѣріе грубое и безмѣрное. Не можетъ пока. Ну а потомъ? Не можетъ ли завтра найтись фактъ, который заставитъ христіанъ разбить свои скрижали? Нѣкоторые апологеты пытаются показывать и доказывать, что и въ будущемъ наука не можетъ поколебать истинъ христіанства. Я думаю, что въ этомъ увѣренъ всякій вѣрующій. Но представить доказательство того, что наука никогда не откроетъ фактовъ, стоящихъ въ противорѣчій съ нашимъ міросозерцаніемъ, немислимо. Теорія утверждающая, что религія и наука только по недоразумѣнію сталкивались между собою въ прошедшемъ и что онѣ не должны будутъ сталкиваться въ будущемъ, эта теорія сама возникла только по недоразумѣнію. Она исходитъ изъ того, что области вѣры и знанія различны, что эти территоріи можно разграничить, и за этой теоріей лежитъ уже долгое прошлое, въ которомъ производились съ различнымъ успѣхомъ попытки разграниченія религіозной и научной сферъ. Но хотя безспорно, что нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ имѣли нѣкоторый успѣхъ, въ концѣ концовъ онѣ безнадежны. Дѣло въ томъ, что религія обвиняетъ собою все, наука должна изслѣдовать все. Если есть Богъ, то все отъ Него исходитъ, какъ отъ своей причины. Вѣдь, даже и зло—не будемъ страшиться словъ—въ концѣ концовъ имѣетъ свою причину въ Богѣ. Причина зла лежитъ въ свободной волѣ конечныхъ тварей, а причина

того, что они свободны, лежить въ Богѣ, Который по Своей безконечной благодати даровалъ тварямъ возможность и силы не только осуществлять Его волю, но въ силу своего самоопредѣленія и противиться ей. Адамъ и Ева, нарушающіе Божественную заповѣдь и вкушающіе отъ запрещеннаго плода, мнѣ кажется, болѣе свидѣлствуютъ о всемогуществѣ и благодати Божіей, чѣмъ вся система млечнаго пути. Если все зависить отъ Бога по своему происхожденію, то также все зависить отъ Него и по своему существованію. И надающіе теперь листья съ деревьевъ и разыгравшіеся въ Африкѣ и Европѣ аппетиты человѣческаго эгоизма, все находится въ вѣдѣніи божественнаго Промысла. Но если нѣтъ ничего внѣ Бога, то значить, ничего не должно быть и внѣ религіи. Какую же это область, не созданную и не управляемую Богомъ, будетъ изслѣдовать наука? Предметомъ человѣческаго изученія должно быть все то, что переживаетъ человѣкъ и съ чѣмъ онъ встрѣчается на пути своей жизни. Изучать нужно все для того, чтобы стать въ правильныя отношенія ко всему. Понятно, что то, что для насъ важнѣе и что къ намъ ближе, то должно быть преимущественнымъ предметомъ нашего изученія. Что отстоитъ отъ насъ дальше, о томъ мы можемъ имѣть свѣдѣній менѣе. Но такъ какъ все существующее находится между собою въ связи, то въ концѣ концовъ наука должна дать понятіе обо всемъ. Такимъ образомъ всякій фактъ, всякое явленіе можетъ быть предметомъ и религіознаго разсмотрѣнія и научнаго изслѣдованія. Наука и религія постоянно сосуществуютъ вмѣстѣ. Если ихъ иногда разграничивали не безъ успѣха, то это происходило отъ того, что наука находится въ крайне жалкомъ состояніи и совершенно въ большинствѣ случаевъ не можетъ провѣрить того, что утверждаетъ религія. Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Іисусъ воскресъ. Для насъ воскресеніе Христова является настолько важнымъ догматомъ вѣры, что уже Павелъ говорилъ: „если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна“ (1 Коринѣ. XV, 17). Можетъ ли повѣствованіе о воскресеніи Христа быть предметомъ научной провѣрки? Если хотите, не только можетъ, но и должно быть. Во 1) необходимо рѣшить вопросъ: возможно ли такое событіе; во 2) нужно произвести тщательный анализъ повѣствованій о воскресеніи, чтобы оцѣнить степень заслуживаемаго ими довѣрія:

въ 3) нужно искать прямыхъ доказательствъ факта воскресенія. Возможны ли такія доказательства? Отчасти возможны, отчасти несомнѣнно существуютъ.

Уже туринская плащаница, споры о которой неожиданно загорѣлись въ началѣ XX столѣтія, наводитъ на мысль о таковой возможности. На туринской плащаницѣ отпечатлѣлся образъ усопшаго, который былъ въ нее завернутъ. Ее считали плащаницею, въ которой былъ погребенъ Христосъ. Изслѣдованіе изображенія ея дало два результата: 1) изображеніе отвѣчаетъ евангельскому повѣствованію, 2) изображеніе могло сохраниться лишь при условіи, что усопшій пребылъ завернутымъ въ плащаницу приблизительно въ теченіе того срока, который по евангелію назначается для пребыванія Христа во гробѣ. Я обращаю вниманіе на эту плащаницу не какъ на аргументъ, а какъ на то, что доказываетъ возможность аргумента. Событія, совершавшіяся на территоріи Палестины въ первую половину перваго вѣка, запечатлѣны и на землѣ и на небѣ. Есть память и матерій. Каждое изображеніе неизгладимо запечатлѣвается на тѣхъ предметахъ, лучи на которые отъ него падаютъ. Но такихъ изображеній на каждомъ предметѣ безчисленное множество и мы не умѣемъ возстановлять ихъ. Затѣмъ отъ cadaго предмета и явленія идутъ по всѣмъ направленіямъ, пронизывая всѣ преграды, лучи со скоростью 280 тысячъ верстъ въ секунду и они несутъ образы совершившагося въ міровое пространство. Правда, мы не умѣемъ эксплуатировать эти лучи и читать исторію земли написанную на небѣ, но мы достаточно знаемъ; чтобы утверждать, что все совершившееся сохранено въ нѣдрахъ бытія. Слѣдовательно, его можно искать и находить.

Вопросы о твореніи міра и человѣка, о человѣческомъ паденіи и искушеніи человѣчества Христомъ—вопросы религіозные, но вмѣстѣ съ тѣмъ это историческіе факты—предметъ научнаго изслѣдованія. Только неудовлетворительное состояніе науки лишаетъ ее возможности быть тѣмъ по отношенію къ религіи, чѣмъ она должна быть—безаппелляціоннымъ судьей. Являлся ли Богъ Моисею въ купинѣ, переходили ли евреи черезъ Черное море, былъ ли данъ законъ при Синаѣ? Если бы наука была совершенна, она отвѣтила бы намъ на всѣ эти вопросы. Наука объяснила бы

намъ, какъ заговорила валаамова ослица, какъ Илія обрѣлъ Бога въ тишинѣ, какъ Христосъ ходилъ по морю и какъ Онъ воскресилъ четверодневнаго Лазаря. Но современная наука, незнающая ни того, что есть, ни того, что можетъ быть, устами своихъ представителей, которые можетъ быть наиболѣе самонадѣянны, потому что наименѣе даровиты, говорить намъ: ничего этого не можетъ быть. И споръ переходитъ въ область принциповъ—возможно или невозможно, а прямое изслѣдованіе, т. е. дѣйствительно научное рѣшеніе вопроса оказывается невозможнымъ.

Всякій искренно и твердо вѣрующій долженъ смотрѣть на науку съ надеждою и упованіями: наука по идеѣ должна замѣнить вѣру видѣніемъ, сдѣлать видимымъ невидимое. Если современная наука показала намъ невидимые инфракрасные и ультрафіолетовые лучи солнечнаго спектра, если она открыла катодные лучи и электроны, если она изслѣдуетъ міръ микроорганизмовъ, то это—только рѣшеніе безконечно малой части всей той задачи, которая предлежитъ ей: все невидимое сдѣлать видимымъ. Но наука никогда не выполнитъ этой задачи. Вѣра на землѣ не превратится въ знаніе. Поэтому вѣра всегда будетъ заключать въ себѣ элементъ свободы и поэтому она всегда будетъ являться добродѣтелью. Вѣроученіе всегда будетъ приниматься не однимъ разумомъ, но и волею. Для того чтобы стать вѣрующимъ, нужно рѣшиться повѣрить. Я не говорю, что достаточно одного рѣшенія, его далеко не достаточно. Въ концѣ концовъ завѣреніе въ истинности вѣры подается свыше, но его не будетъ дано, если раньше ищущій вѣры актомъ свободного самоопредѣленія не рѣшитъ, что онъ долженъ повѣрить.

Итакъ, гдѣ вѣра, тамъ и свобода. Но у насъ дѣло представляютъ иначе. У насъ полагають, что вѣра стѣсняетъ свободу изслѣдованія и что, наоборотъ, наука требуетъ свободы, и что наука должна быть свободною. По моему мнѣнію выраженіе „свободная наука“ имѣетъ такую же логическую цѣлность, какъ и выраженіе „круглый четырехугольникъ“. Обратимся къ безспорнѣйшей изъ наукъ къ математикѣ. Намъ данъ прямоугольный треугольникъ, величины катетовъ котораго равны тремъ и четыремъ, требуется опредѣлить гипотезу. Исходя изъ пифагоровой теоремы, мы говоримъ,

что гипотенуза равна пяти, потому что $3^2 + 4^2 = 5^2$. Въ этомъ нашемъ сужденіи нѣтъ ни малѣйшаго элемента свободы и онъ не можетъ быть здѣсь допущенъ, проблема рѣшается механически и можно сдѣлать приборъ, который подобнаго рода задачи будетъ рѣшать гораздо безошибочнѣе, чѣмъ мы. То же самое мы имѣемъ въ тѣхъ областяхъ физики, которыя разработаны математически. Мы знаемъ, какое направленіе примутъ лучи отъ источника свѣта помѣщеннаго въ фокусѣ параболическаго зеркала, мы не высказываемъ свободныхъ предположеній, а точно опредѣляемъ, какъ отражаются лучи отъ эллипсоидальныхъ поверхностей. Идеаль науки представить, что данный фактъ есть необходимое слѣдствіе неизбѣжныхъ условій. Полное солнечное затменіе 15 апрѣля 1911 года, которое было видимо въ Тихомъ океанѣ, является такимъ фактомъ. Оно было точно вычислено много ранѣе; было точно опредѣлено, гдѣ лунная тѣнь закроетъ солнце совсѣмъ а гдѣ лишь отчасти (въ сѣверной Америкѣ). Но погода на 15 апрѣля не могла быть опредѣлена заранѣе, о ней можно было только гадать и дѣлать предположенія. Область предположеній уже есть область свободы; но ясно, что эта свобода обуславливается не наукою, а недостаточнымъ развитіемъ науки. Наука вытѣсняетъ свободу. Чѣмъ больше изученъ фактъ, тѣмъ меньше можно дѣлать о немъ произвольныхъ предположеній. Но когда говорятъ о свободѣ науки, то предполагаютъ свободу предположеній и научныхъ убѣжденій. Выраженіе „научное убѣжденіе“ есть такой же *populus*, какъ и выраженіе „свободная наука“. Убѣжденія субъективны, наука объективна; убѣжденія недоказуемы, наука немислима безъ доказательствъ. Научное убѣжденіе есть подстановка произвольной величины вмѣсто неизвѣстнаго X. Говоря, что научному изслѣдованію должно подлежать все существующее, я тѣмъ самымъ утверждаю, что наука имѣетъ право ставить обо всемъ и какіе угодно вопросы. Но право ученыхъ рѣшать эти вопросы на основаніи убѣжденій мнѣ представляется сомнительнымъ. Положимъ, что какой-либо ученый пришелъ къ убѣжденію, что преступники неисправимы и что по закону наслѣдственности они должны передавать свои преступныя наклонности дѣтямъ. Отсюда ученый дѣлаетъ выводъ, что въ цѣляхъ сохраненія и возвышенія морали у людей, преступниковъ

нужно совсѣмъ изъять изъ круговорота жизни: они заражаютъ и отравляютъ общество. Путемъ безболѣзненной отравы, расходуя незначительное количество синильной кислоты или ціанистаго калія, можно отъ нихъ избавлять общества. Убѣжденія управляютъ дѣятельностью, и если въ рукахъ нашего мыслителя окажутся средства для того, чтобы осуществить свой способъ нравственнаго оздоровленія чело-вѣчества, онъ ими воспользуется. Отвѣтствененъ ли онъ или неотвѣтствененъ? Я полагаю, что онъ отвѣтствененъ и отвѣтствененъ не за то, что дѣйствовалъ по убѣжденію, а за то, что свободно привилъ себѣ нелѣпныя убѣжденія. Въ медицинѣ нерѣдко пускаются въ ходъ рискованныя средства. Приблизительно годъ назадъ противъ одной страшной болѣзни сталъ употребляться новый препаратъ, и газеты часто приносили извѣстія, что впрыскиванія этого препарата влекли за собою смерть пациентовъ. По научной теоріи препаратъ долженъ былъ спасать, а онъ губилъ. Можемъ ли мы допустить, чтобы ученые во имя свободы науки безнаказанно губили людей? Долженъ ли негодовать медикъ на природу за то, что она дѣйствуетъ не согласно съ его предположеніями, или мы должны негодовать на медика за то, что онъ свое невѣжество считаетъ знаніемъ? Я думаю, что—послѣднее.

Теперь обратимся къ примѣрамъ другого порядка. Положимъ, какой-нибудь ученый пришелъ къ заключенію, что историческія книги Библіи лишены историческаго характера. Если это заключеніе сдѣлано научно, то ни о какой свободѣ его убѣжденій не можетъ быть рѣчи. Онъ не можетъ отказаться отъ этого вывода, какъ мы не можемъ отказаться, хотя бы и хотѣли, отъ положенія, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ. То, что для насъ является несомнѣнною истиною, мы можемъ отрицать на словахъ, но не въ мысли. Воръ можетъ говорить, что онъ не кралъ, но онъ не можетъ подумать этого. Если фактъ доказанъ, противъ него идти нельзя. Говорятъ: Библія представляетъ собою почти непрерывный рядъ ошибочныхъ утверждений; слѣдовательно, она небогодухновенна. Выводъ слѣдуетъ изъ основанія и если основаніе *научно* доказано, то оно по необходимости будетъ принято всѣми. Но если нашъ ученый критикъ Библіи встрѣтитъ себѣ отпоръ, то онъ не долженъ

негодовать на тѣхъ, кто его взгляды считаетъ заблужденіемъ. Онъ долженъ обратить свое негодованіе на самого себя за то, что не умѣлъ другимъ доказать того, что умѣлъ доказать самому себѣ. Но умѣлъ ли? Не поспѣшилъ ли онъ на самомъ дѣлѣ во имя какихъ-либо нравственныхъ побужденій принять, какъ истину, теорію, которая не имѣла для себя достаточно основаній? Это—дѣло совѣсти ученаго, но судить его за его убѣжденія не могутъ люди. Можно смѣяться надъ явною глупостью и осуждать явную недобросовѣстность, но когда налицо нѣтъ ни той, ни другой, нѣтъ мѣста и человѣческому суду.

Но и вообще не дѣло науки—судить. Дѣло науки—ислѣдовать и утверждать истину. Христіанская вѣра, служащая содержаніемъ нашей науки, есть или святѣйшая истина или глубочайшее заблужденіе. Мы вѣримъ, что она истина. Но содержаніе этой вѣры мы не можемъ превратить въ рядъ доказанныхъ теоремъ. Мы не претендуемъ даже на то, чтобы можно было доказать, что разумъ и совѣсть вообще въ христіанской вѣрѣ могутъ находить успокоеніе. Многіе насъ будутъ оспаривать. Но хочется вѣрить, что научное изслѣдованіе и обоснованіе христіанства можетъ возбуждать въ душахъ молитвенное обращеніе: „помоги моему невѣрію“ (Марк. IX, 24), „умножь въ насъ вѣру“ (Лук. XVII, 5).

Если это такъ, то нашъ трудъ безплоденъ.

С. Глаголевъ.
